

Проблемы юридических фикций, связанных с суррогатным материнством, в трансграничных ситуациях

П. Мостовик, О. Бобжинская

Для цитирования: Мостовик П., Бобжинская О. Проблемы юридических фикций, связанных с суррогатным материнством, в трансграничных ситуациях // Правоведение. 2021. Т. 65, № 4. С. 382–403. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2021.402>

В статье рассматриваются последние изменения законодательства в области суррогатного материнства (*surrogacy motherhood*), а также возникающие в связи с этим последствия и проблемы в глобальной перспективе. В частности, авторы указывают на существенные различия в законодательстве отдельных стран относительно допустимости и содержания суррогатного материнства, а также отмечают разные тенденции (расширение, ограничение или запрещение правового регулирования). Затрагивается проблема признания последствий иностранных процедур и регистрации гражданского состояния или отказа в их признании, а также вопросы создания общего международного правового поля. Введение в некоторых странах процедуры суррогатного материнства, включая юридические фикции происхождения ребенка от заказчика (заказчицы) или заказчиков, породило правовые проблемы и дилеммы, особенно в ситуациях предоставления ребенка заказчику, являющимся союзом, в рамках которого ребенок не может быть зачат естественным образом (например, паре лиц одного пола или одинокому лицу, в том числе мужчине). Отдельные обсуждаемые примеры правового регулирования могут быть оценены как реализация воспринимаемого правовой системой обоснованным и обязательным запроса на получение ребенка. С зарубежной точки зрения, проблемы касаются не только оценки правовых систем, предусматривающих вышеуказанное правовое регулирование, но и эффективного функционирования различных национальных фундаментальных правовых принципов в схожих ситуациях (в прошлом или настоящем) с несколькими правовыми системами (например, с участием собственных граждан, а также постоянных и временных жителей, которые ранее находились за границей, а затем приняли действия на основании иностранного права). Серьезные сомнения могут возникнуть у иностранных судов относительно функционирования универсального принципа запрета торговли людьми, правовых принципов усыновления и правил, касающихся личности ребенка, а также понимания государствами — участниками Конвенции ООН 1989 г. о правах ребенка принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка и человеческого достоинства женщин (чаще всего из бедных стран). Иностранные опасения также обращены на будущее системы усыновления, поскольку интерес к усыновлению сирот в обществе может значительно снизиться в связи с обсуждаемой конкурентной возможностью получения ребенка посредством контракта (включая проектирование его физических характеристик).

Ключевые слова: суррогатное материнство, суррогатное рождение, запрет торговли детьми, международное усыновление, унификация права на международном уровне, человеческое достоинство, материнство и отцовство, договор гражданского состояния, родство.

Мостовик Петр — д-р юрид. наук, проф., Ягеллонский университет в Кракове, Польша, 31-007, Краков, ул. Голубя, 24; piotr.mostowik@uj.edu.pl

Бобжинская Ольга — канд. юрид. наук, адъюнкт, Варшавский университет, Польша, 00-927, Варшава, Краковское предместье, 26/28; olga.bobrzynska@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Введение

Анализ проблематики трансграничных аспектов договоров суррогатного материнства¹ следует начать с того, что в настоящее время эта тема является предметом рассмотрения международных и национальных судов, а также обсуждается в правовой доктрине. Однако прежде всего отметим, что недавно Европейский суд по правам человека в Страсбурге (далее — ЕСПЧ) вынес решение от 18.05.2021 по делу *Valdis Fjónisdóttir and Others v. Iceland*². Суд не установил обязательства автоматического перенесения правовых последствий из одного государства, которое урегулировало рассматриваемой договор в своем законодательстве, в другое государство, которому такая правовая конструкция неизвестна, поскольку в нем предусмотрено установление происхождения ребенка от родившей его женщины или установление усыновления. В упомянутом деле ЕСПЧ не установил нарушения ст. 8 Римской конвенции 1950 г. Ребенок родился в Калифорнии, и местный отдел записи актов гражданского состояния Калифорнии выдал акт, в котором в качестве первоначальных родителей были зарегистрированы женщина и мужчина, заключившие договор с суррогатной матерью. Впоследствии исландские ведомства отказались внести запись с таким содержанием документа в свой государственный реестр записей актов гражданского состояния. Отказ основывался на том, что транскрипция (регистрация) заграничного свидетельства о рождении ребенка и правовые последствия издания документа, содержание которого противоречит принципам национального законодательства, де-факто были бы легализацией суррогатного материнства в Исландии, чье законодательство не предусматривает этой правовой конструкции. Кроме того, было указано, что связь между ребенком и воспитывающими его лицами может повлиять на возможное принятие решения об усыновлении, т. е. на правовой институт, известный национальному законодательству³.

1. Предварительные замечания

В последние десятилетия в некоторых правовых системах функционирует и развивается правовая конструкция, именуемая суррогатным материнством (*surrogate motherhood*)⁴ или суррогатным рождением (*surrogate*

---

¹ Данная статья развивает тему, поднятую авторами на конференции, организованной в Варшаве 27–28 сентября 2018 г. (Report from the conference *Surrogate motherhood: fundamental and legal problems*, Warsaw, 27–28 September, 2018 // *Prawo w działaniu law in action*. 2018. Vol. 36. P. 7–17. URL: <https://iws.gov.pl/wp-content/uploads/2018/12/36-Reports-from-conference.pdf> (дата обращения: 01.10.2021)), и в предшествующей публикации: *Mostowik P., Bobrzyńska O.* O globalnych problemach na skutek wprowadzenia lokalnych fikcji prawnych powiązanych z tzw. macierzyństwem zastępczym (*surrogate motherhood*) // *Prawa człowieka wobec wyzwań współczesnego świata* / eds A. Czubik, D. Dziwisz, E. Szczepankiewicz-Rudzka. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2019. P. 189–218. Авторы благодарят за помощь в подготовке статьи на русском языке Марию Зенив (Mariia Zeniv), аспирантку Ягеллонского университета в Кракове.

² Application no. 71552/17. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng/{%22itemid%22:\[%22001-209992%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng/{%22itemid%22:[%22001-209992%22]}) (дата обращения: 01.10.2021).

³ Press report of May 18, 2021 “Refusal to recognise couple as parents of child born via surrogacy not a violation”. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=003-7021990-9472889&filename=Judgment%20Vald%C3%ADs%20Fj%C3%B6nisd%C3%B3ttir%20and%20Others%20v.%20Iceland%20-%20Refusal%20to%20recognise%20couple%20as%20parents%20of%20child%20born%20via%20surrogacy%20not%20a%20violation.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).

⁴ В качестве примеров спроса и предложения сегодня можно назвать предложения украинского центра BioTexCom (BioTexCom. URL: <http://biotexcom.com/information/brief-explanation-surrogacy-process> (дата обращения: 01.10.2021)) и сбор средств сообщества на покупку ребенка парой гол-

birth)⁵. Ее внедрение состоялось непосредственно, т. е. в материальном праве, или косвенно, т. е. путем признания последствий иностранных процедур (применения иностранного права или признания иностранной регистрации гражданского состояния). Эта конструкция, а вместе с ней и предмет доктринальных соображений не касаются — что могло бы следовать из буквального понимания этой концепции — дополнительной опеки над ребенком, осуществляемой вместо его матери (например, приемной семьей). Как ни парадоксально, данная конструкция охватывает правовое регулирование в области права о личном статусе, права обязательств и семейного права (в том числе регистрации актов гражданского состояния) с противоположным эффектом, т. е. не рассматривает женщину, родившую ребенка (биологическую мать), в качестве его юридической матери. Вместо этого чаще всего вводится юридическая фикция происхождения ребенка от другой женщины, которая выступает стороной договора и с которой ребенок обычно генетически не связан (т. е. она часто не является генетической матерью). Иногда также существует юридическая фикция происхождения ребенка только от одного лица (без возможности последующего юридического установления второго родителя) или от двух лиц одного пола. Такое специфическое правовое регулирование приводит среди прочего к приобретению первоначального статуса (гражданского состояния) матери (в том числе мужчины, который фигурирует в свидетельстве о рождении вместо матери в качестве так называемого родителя А) лицом, не родившим ребенка, и даже лицом, которое такой статус родства в естественном (биологическом) смысле не могло бы получить (например, одиноким лицом или другим мужчиной)⁶.

Указанного правового регулирования не существует в большинстве правовых систем мира. В частности, против него выступает понимание человеческого достоинства (особенно женщины) и человеческой идентичности (особенно ребенка), а также принцип непередаваемости гражданского состояния (происхождения ребенка) путем контракта, необходимость обеспечения определенности гражданского состояния (в частности, функционирования принципа *mater semper certa est* (лат. мать всегда достоверно известна))⁷. Однако в этих государствах могут появляться запросы о признании последствий процедур, которые были проведены за границей⁸.

ландских гомосексуалистов в Южной Африке (MZT. URL: <https://www.facebook.com/BabyRainbow.NL> (дата обращения: 01.10.2021). — Meta признана экстремистской организацией в РФ).

⁵ О существенных отличиях от суррогатного материнства см.: *Mostowik P.* May you live in interesting times // *Fundamental and legal issues of surrogate motherhood. Global perspective* / ed. by P. Mostowik. Warsaw: Wydawnictwo IWS, 2019. P. 42; https://books.google.pl/books?id=IDGkDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=pl&source=gbs_ge_summary_r&cad=0v=onepage&q&f=false (дата обращения: 01.10.2021).

⁶ См. подробнее: *Mikluszka M.* Czy można kupić dziecko, czyli problemy prawne i etyczne związane z macierzyństwem zastępczym? // *Współczesne wyzwania bioetyczne* / eds L. Bosek, M. Królikowski. Warszawa: C. H. Beck, 2010. P. 322–336. — Если говорить о польской судебной практике или законодательной процедуре, то существует высокая вероятность постановлений о признании последствий заграничного правового регулирования и публичных документов, касающихся передачи гражданского состояния путем договора (отцовства или материнства и происхождения ребенка).

⁷ См. об этом: *Czubik A.* Protection of women's rights and health in international law versus "surrogacy business" // *Fundamental and legal issues...* P. 509.

⁸ Относительно фактического состояния международного права, которое иногда игнорируется в польских судебных производствах, см.: *Mostowik P.* O żądaniach wpisu w polskim rejestrze stanu cywilnego zagranicznej fikcji prawnej pochodzenia dziecka od "rodziców jedнопłciowych" // *Forum Prawnicze* 2019. No. 6. P. 3–29. URL: <https://forumprawnicze.eu/attachments/article/368/Mostowik.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).

В разных странах такое правовое решение может быть оценено по-разному. В этом контексте заслуживает внимания получившая огласку в СМИ громкая история: в роскошной больнице в Польше — в варшавском районе — украинские женщины, намеревающиеся стать суррогатными матерями, пользуясь возможностью пребывания на территории Европейского союза в рамках трехмесячного безвизового режима, регулярно приезжали с целью родить детей, которых после родов забирали их заказчики (будущие родители), приехавшие в основном из богатых стран Западной Европы⁹. В связи с этим уполномоченная по правам человека Украины Людмила Денисова четко подчеркнула, что с точки зрения украинского законодательства деятельность, связанная с доставкой украинских суррогатных матерей в больницу в Польше, незаконна и представляет угрозу здоровью как суррогатных матерей, так и будущих детей. Согласно украинскому законодательству, эта деятельность рассматривается как незаконное обогащение и может быть уголовно наказуемой¹⁰.

В мире наблюдается и обратное явление, своего рода ренатурализация закона. Можно привести примеры стран, в которых обсуждаемые процедуры суррогатного материнства сначала были законодательно введены или допущены (что привело среди прочего к своего рода экспорту их результатов в страны Западной Европы), а затем, во втором десятилетии XXI в., запрещены (Непал, Камбоджа) или ограничены (Индия, Таиланд). Запрет был введен на основе практического опыта и после рассмотрения аргументов, указывающих на торговлю детьми и объективацию женщин. Это, в свою очередь, привело к переносу «репродуктивного бизнеса» в другие страны, в подавляющем большинстве случаев в бедные общества.

2. Фундаментальные различия в допустимости суррогатного материнства в мире

В литературе под понятием суррогатного материнства (*surrogate motherhood*) чаще всего понимается договорная услуга, заключающаяся в вынашивании беременности и последующей, после родов, передаче ребенка заказчику, что удовлетворяет желание бесплодной пары (когда причина бесплодия кроется в женщине) или служит комфорту женщины, которая может, но не хочет вынашивать беременную. В некоторых странах обеспечивающие такой эффект процедуры законны и, более того, в них предусматривается юридическая фикция того, что ребенок исходит от заказчиков (которые выразили желание иметь ребенка как предполагаемые родители — *intended parents*), определяемых на следующем этапе его

---

⁹ См. подробнее: *Korus J. Ukraińskie surogatki w Polsce. Po śledztwie “Newsweeka” będzie zawiadomienie do Prokuratury Krajowej // Newsweek Polska. 11.08.2020. URL: <https://www.newsweek.pl/swiat/spoleczenstwo/sledztwo-newsweeka-zawiadomienie-do-prokuratury-krajowej/vy5xvkn> (дата обращения: 01.10.2021).*

¹⁰ В отношении данного дела заслуживают внимания разъяснения Л. Денисовой, согласно которым суррогатное материнство в Украине является законным и рассматривается наравне с другими видами лечения бесплодия. При этом украинское законодательство ставит ряд условий для возможности воспользоваться данной процедурой лечения бесплодия; так, суррогатное материнство доступно только лицам, у которых подтверждено бесплодие; должно существовать генетическое родство между ребенком и хотя бы одним из предполагаемых родителей (будущая мать или отец должны быть донорами генетического материала); только супружеские пары могут воспользоваться программой суррогатного материнства. См. подробнее: *Korus J. Surogacja. Ukraińcy zrobili sobie z Polski kraj przerzutowy [śledztwo Newsweeka] // Newsweek Polska 2020, № 33, URL: <https://www.newsweek.pl/polska/spoleczenstwo/ukrainskie-surogatki-nielegalnie-rodza-w-polsce-surogatkina-wilanowie-sledztwo/8twysel> (дата обращения: 01.10.2021).*

жизни (после взятия ими ребенка на воспитание) как социологические родители (sociological parents)¹¹.

Таким образом, закон, регулирующий гражданское состояние, может игнорировать факт материнства женщины, которая родила ребенка, а иногда и отцовства мужчины, с которым ребенок генетически связан (т. е. в случае использования анонимной донорской спермы из так называемого банка). Следовательно, получение статуса матери или отца возможно на основании только договора. В отличие от случая с усыновлением, закон может предусматривать фикцию происхождения ребенка от лиц, заключивших соответствующий договор, вместо генетических родителей или женщины, которая родила ребенка. В странах, в которых введено вышеупомянутое правовое регулирование (т. е. во внутреннем законодательстве или в качестве признания последствий предпринятых действий, например в Восточной Европе, Азии или некоторых штатах США), произошли далеко идущие изменения основных принципов семейного права. В частности, в связи с существованием конкурирующих способов установления первичного материнства (т. е. не только с опорой на факт рождения) потерял актуальность принцип *mater semper certa est*.

Принятое в литературе вслед за зарубежными законодателями вышеизложенное понимание суррогатного материнства на рубеже XX и XXI вв. также потеряло актуальность. В настоящее время в рамках этой концепции функционирует ряд различных практик и правовых норм¹². В частности, в последние годы в некоторых правовых системах произошел отход от отражающего принцип природы (биологии) правила, согласно которому ребенок происходит от двух лиц противоположного пола. Договорной статус родителя ребенка посредством процедуры, называемой суррогатным материнством, может приобретаться другим «родителем», который принадлежит к тому же полу, что и первый (это означает юридическую фикцию происхождения ребенка от двух женщин или двух мужчин), а также одним лицом (что означает юридическую фикцию происхождения ребенка исключительно от одной женщины или одного мужчины). Последние правовые положения, касающиеся гражданского состояния, установленного на момент рождения ребенка, на практике проявляются в осуществлении родительской власти (прав и обязанностей, вытекающих из семейного права) лицами, приобретшими ребенка указанным выше способом, без необходимости его усыновления (*adoptio*) или установления законной опеки (*tutela*).

В последние годы произошла эволюция правового регулирования сферы применения и понятия суррогатного материнства, что можно проиллюстрировать на примере нескольких правовых систем. Это позволит выявить дополнительные вопросы и проблемы, возникающие не только на территориях стран, организующих обсуждаемые процедуры, но и на международном уровне. Общее наблюдение за эволюцией права приводит к выводу, что относительно условий, предъявляемых к лицам, заказывающим ребенка, можно выделить разнородные правовые ситуации, позволяющие использовать обсуждаемую процедуру:

— суррогатное материнство в узком смысле — с целью вынашивания собственного эмбриона (в некоторых правовых системах де-факто не только тогда, когда женщина не может выносить беременность и родить, но и тогда, когда она может,

¹¹ См. об этом: *Bobrzyńska O.* Surrogate motherhood: current trends and the comparative perspective // *Fundamental and legal issues...* P. 645.

¹² См., напр.: *Gałązka M., Haberko J.* Wybrane zagadnienia macierzyństwa zastępczego // *System prawa medycznego: in 2 vols / eds M. Safjan, L. Bosek.* Vol. 2. Warszawa: C. H. Beck, 2018. P. 41 (авторы правильно подчеркивают, что в настоящее время не существует единого метода правового регулирования суррогатного материнства).

но не хочет быть беременной, например из соображений удобства или нехватки времени);

— суррогатное материнство в широком смысле — в ситуации бесплодия или неэффективного лечения бесплодия, причины которых заключаются в женщине (т.е. с использованием яйцеклетки другой женщины, в том числе анонимной женщины-донора);

— псевдосуррогатное материнство — в ситуациях, в которых трудно говорить о бесплодии, потому что ребенок не может биологически происходить от данного заказчика или союза заказчиков (например, одного лица или двух мужчин)¹³.

3. Сравнительно-правовые замечания

Сравнительно-правовые исследования приводят к выводу о том, что в мире преобладают правовые системы, в которых нет обозначенных юридических конструкций, нарушение закона (в том числе касающегося допустимых медицинских процедур или подделки свидетельств о рождении) наказуемо, а договоры с агентствами и потенциальными суррогатными матерями считаются недействительными; более того, негативную оценку получают последствия проведенных за границей процедур¹⁴. Некоторые государства ввели прямой запрет на эту практику в свои правовые системы (например, Франция, Швейцария, Испания, Германия). Кроме того, существующее в некоторых странах правовое регулирование, называемое таким образом, в значительной степени различается — либо с момента его введения, либо в результате правовой эволюции в этой области. В частности, различия касаются круга субъектов, которым должен быть передан ребенок, а также условий, лежащих на стороне лиц, заказывающих ребенка, и рождающей его женщины, в том числе условий использования процедуры, возраста и личностных характеристик потенциальной суррогатной матери, генетической связи ребенка с ней и заказчиками, а также вопросов выплаты вознаграждения ей и посредникам. По-разному также регулируются последствия процедуры, в первую очередь касающиеся установления происхождения ребенка.

В эволюции исследованных иностранных законодательств первичной формой суррогатного материнства, т.е. той, которая касается страдающих бесплодием пар, состоящих из женщины и мужчины, является правовое регулирование России и Украины¹⁵. Законодательство этих стран предусматривает дополнительные ус-

---

¹³ International surrogacy arrangements. Legal regulation at the international level / eds K. Trimings, P. Beaumont. Oxford: Oxford University Press, 2013.

¹⁴ Относительно польского права см.: *Smyczyński T.* Stan cywilny // System Prawa Prywatnego: in 20 vols. Vol. 2. Warszawa: C. H. Beck, 2014. P. 12–24. — О необходимости защиты основных принципов польского семейного права в правовых отношениях с заграницей см.: *Mostowik P.* Pochodzenie dziecka i odpowiedzialność rodzicielska // System Prawa Prywatnego: in 20 vols. Vol. 20C: Prawo prywatne międzynarodowe / ed. M. Pazdan. Warszawa: C. H. Beck 2015. P. 293.

¹⁵ О правовом регулировании в области суррогатного рождения, действующем в России и Украине, см.: *Novikov A.* Surrogate motherhood in Russia and CIS countries: legislative activities, problems in jurisprudence and doctrinal evaluation // Fundamental and legal issues... P. 321; *Berger J.* Macierzyństwo zastępcze w świetle przepisów prawa Federacji Rosyjskiej // Prawo w działaniu. Sprawy Cywilne. 2018. Vol. 34. P. 137–153; *Herts A.* Surrogate motherhood in Ukraine: method of infertility treatment, judges' activism and doctrine // Fundamental and legal issues... P. 421; *Zeniv M.* Macierzyństwo zastępcze w prawie ukraińskim. Warszawa: Instytut Wymiaru Sprawiedliwości, 2017. URL: <https://iws.gov.pl/wp-content/uploads/2018/08/IWS-Zeniv-M.-Macierzy%C5%84stwo-zast%C4%99pcze-w-prawie-ukrai%C5%84skim.pdf> (дата обращения: 10.05.2022).

ловия, направленные на то, чтобы сделать данную процедуру субсидиарной по отношению к биологическому материнству¹⁶.

В российской доктрине рассматриваемые процедуры относятся ко вспомогательным репродуктивным технологиям. В Семейном кодексе РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ¹⁷ впервые появилось явное промежуточное упоминание. Так, в предл. 2 ч. 4 ст. 51 предусмотрены: возможность записи в книге записей рождений в качестве законных родителей ребенка, рожденного суррогатной матерью, супружеской пары, которая дала согласие на имплантацию эмбриона в организм суррогатной матери; запрет ссылаться на факт проведения процедуры имплантации эмбриона в случае оспаривания материнства или отцовства. Согласно ч. 9 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», понятие «суррогатное материнство» включает в себя вынашивание и рождение ребенка на основании заключенного договора между суррогатной матерью, т. е. женщиной, которая после переноса донорского эмбриона вынашивает плод, и предполагаемыми родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, или одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям. В ч. 3 ст. 55 этого закона говорится, что право на применение вспомогательных репродуктивных технологий предоставляется мужчине и женщине — как состоящим, так и не состоящим в браке, — при условии наличия их обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство, а также одинокой женщине при условии наличия ее добровольного и осознанного согласия на медицинское вмешательство. При этом российское законодательство не регулирует ни саму процедуру суррогатного материнства, ни условия договора между суррогатной матерью и генетическими родителями. Однако в нем подробно регламентировано, какие требования предъявляются к суррогатной матери, что на практике приводит к более высокой вероятности хорошего «качества» ребенка: женщина должна быть в возрасте от 20 до 35 лет, являться матерью хотя бы одного здорового ребенка и представить медицинскую справку о хорошем состоянии здоровья. Суррогатная мать не может быть одновременно донором яйцеклетки, что на практике также служит для минимизации проблем, которые в противоположном случае могли бы коснуться заказчиков (например, отказ суррогатной матери передать ребенка, генетически с ней не связанного)¹⁸. К дальнейшему расширению сферы применения рассматриваемых процедур в России привела правотворческая деятельность судов. Ссылаясь на ч. 5 ст. 16 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (внесение в книгу рождений записи о «находящихся в браке лицах, которые дали письменное согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях вынашивания и рождения ребенка»), соответствующие административные органы отказывали в регистрации в качестве родителей ребенка лицам, не состоящим между собой в браке, а также одиноким женщинам и мужчинам. Впоследствии суды удовлетворяли такие за-

---

¹⁶ В России услугами суррогатной матери могут воспользоваться и незамужние женщины, которые по медицинским показаниям не способны выносить беременность и родить ребенка. Среди лиц, имеющих право на использование процедуры суррогатного материнства, не указано одинокого мужчины. Однако в судебной практике российских судов встречаются единичные решения о регистрации детей, рожденных суррогатной матерью и переданных одинокому мужчине (донору спермы). См. об этом: *Berger J. Macierzyństwo zastępcze...* P. 137.

¹⁷ Здесь и далее ссылки на российское законодательство даются по СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.04.2022).

¹⁸ *Ibid.* P. 12.

просы, хотя Семейный кодекс РФ не содержит положений, регулирующих регистрацию такого рождения ребенка в пользу одинокой женщины или мужчины¹⁹.

В украинском праве и судебной практике также видно допущение субсидиарности суррогатного материнства. В соответствии с ч. 6.1 Приказа Министерства здравоохранения Украины выделяются следующие предпосылки (условия) права на использование процедуры суррогатного материнства:

— наличие соответствующих медицинских показаний, связанных с заболеваниями матки, а также «тяжелые соматические заболевания, при которых вынашивание беременности представляет угрозу для здоровья или жизни пациентки, но не влияет на здоровье будущего ребенка» и «повторяющиеся безуспешные попытки применения вспомогательных репродуктивных технологий (четыре и более раз), которые не привели к беременности»;

— генетическое происхождение ребенка от супругов или одного из них;

— отсутствие генетической связи ребенка с суррогатной матерью (за исключением отношений между близкими родственниками)²⁰.

20 сентября 2011 г. в ч. 2 ст. 123 Семейного кодекса Украины²¹ были внесены изменения²², согласно которым в процедуре суррогатного материнства имеет право участвовать только супружеская пара, т.е., согласно украинскому законодательству, женщина и мужчина. Судебный активизм привел к нарушению этого принципа на практике, поскольку одинокой (незамужней) женщине было разрешено заказать ребенка. В случае с гомосексуальными парами мужчин на практике сначала устанавливается отцовство одного из них вместе с отказом матери от родительских прав, а затем — уже в другой стране — происходит усыновление ребенка другим из них²³.

Правовое регулирование в Соединенном Королевстве²⁴ представляет собой новый подход и выходит за рамки концепции суррогатного рождения, установленной в конце XX в. Такое регулирование предусматривает, что гражданское состояние первичных (т.е. не приемных) родителей предоставляется двум женщинам или двум мужчинам не столько из-за бесплодия, сколько из-за того, что ребенок биологически происходит от них не может²⁵. Таким образом, оно также порождает юридическую фикцию происхождения ребенка от двух лиц одного пола, что отражено в зарубежной регистрации гражданского состояния и судебных решениях. Более того, с начала 2019 г. возможным стало также получение одинокими лицами статуса родителя с единоличной родительской властью в отношении ребенка, рожденного суррогатной матерью²⁶.

---

¹⁹ См., напр., решение суда Новосибирска от 2015 г. по делу Г. Вышкина против Новосибирского центра репродуктивной медицины (Ibid.).

²⁰ См. подробнее: *Zeniv M. Macierzyństwo zastępcze...* P. 10.

²¹ Ведомости Верховной Рады Украины. 31.05.2002. № 21–22.

²² Закон Украины от 20.09.2011 № 3760-VI «О внесении изменения в ст. 123 Семейного кодекса Украины относительно определения родителей ребенка, рожденного в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий» // Правительственный курьер. 15.10.2011. № 191.

²³ Ibid. P. 8.

²⁴ См. о нем: *Wells-Greco M. The status of children arising from inter-country surrogacy arrangements. The past, the present, the future.* The Hague: Eleven International Publ., 2016. P. 159–191.

²⁵ В соответствии с разд. 54 (2) Закона об оплодотворении и эмбриологии человека 2008 г. (Human Fertilisation and Embryology Act, 2008).

²⁶ С 03.01.2019 вступили в силу поправки к Закону об оплодотворении и эмбриологии человека 2008 г. (The Human Fertilisation and Embryology Act 2008 (Remedial) Order 2018. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukSI/2018/1413/contents/made> (дата обращения: 05.09.2019)). О ходе парламентской работы см. доклад от 03.04.2019: *Jarrett T. Children. Surrogacy — single people and parental*

Другим путем пошли Индия, Непал, Камбоджа и Таиланд, где в последние годы доступ к суррогатному материнству ограничен или запрещен. Например, в Индии из круга заказчиков исключили сначала одиноких лиц и гомосексуальные пары, а затем и иностранцев. В настоящее время предметом парламентских обсуждений является законопроект, согласно которому будет запрещено коммерческое суррогатное материнство. Альтруистическое суррогатное материнство должно быть разрешено только для индуистских супружеских пар (женщины и мужчины), при условии, что это оправдано медицинскими показаниями. Суррогатная мать должна быть родственно связана с одним из супругов. В Таиланде в 2015 г. отменено коммерческое суррогатное материнство и запрещена деятельность посреднических агентств, а доступ к суррогатному материнству ограничен только тайскими супружескими парами (состоящими из мужчины и женщины)²⁷. Кроме того, суррогатное материнство запрещено в Непале и Камбодже²⁸.

Ужесточению условий проведения процедуры суррогатного материнства способствовали злоупотребления, в том числе дела, получившие широкое освещение в мировой прессе. В Таиланде это было дело *Baby Gammy* и дело с участием богатого японского предпринимателя *Mitsutoki Shigeta*. В первом деле в декабре 2013 г. тайская суррогатная мать родила двойню — мальчика *Gammy* и девочку *Pipah*. Девочку забрали заказчики из Австралии. Мальчик, страдающий синдромом Дауна, остался на попечении тайской суррогатной матери (когда она была еще беременной, посредническое агентство побуждало ее сделать аборт)²⁹. Японец же стал отцом 16 детей, рожденных суррогатными матерями, и планировал участие в дальнейших процедурах суррогатного материнства³⁰.

Сравнительно-правовые исследования также приводят к выводу, что группы лиц, допущенных к прохождению процедуры суррогатного материнства (пары, состоящие из мужчины и женщины, находящиеся в браке или неформальных отношениях, однополые пары, одинокие лица), могут быть различными. В настоящее время наблюдаются противоположные тенденции к расширению и сужению круга лиц, имеющих право воспользоваться услугами суррогатной матери. В Соединенном Королевстве за последние годы этот круг расширился, а азиатские государства пошли в обратном направлении. В них суррогатное материнство практиковалось в очень больших масштабах и было действительно прибыльным бизнесом для медицинских клиник и посреднических агентств, а также формой заработка женщин, часто находившихся в очень плохом финансовом положении, поэтому решение родить ребенка диктовалось прежде всего желанием выбраться из бедности.

---

orders (UK). URL: <https://researchbriefings.parliament.uk/ResearchBriefing/Summary/CBP-8076> (дата обращения: 01.10.2021).

²⁷ Если только один из супругов является гражданином Таиланда, брак должен длиться не менее трех лет. Положения закона 2015 г. рассматриваются в: *Hongladarom S. Surrogacy law in Thailand*. URL: https://www.researchgate.net/publication/322286708_SURROGACY_LAW_IN_THAILAND (дата обращения: 01.10.2021).

²⁸ Об изменениях во внутреннем законодательстве стран Азии см.: Permanent Bureau of the HCCH. *The cross-border recognition of parent-child relationship statuses (parentage), including international surrogacy arrangements — An update on the work of The Hague conference on private international law (HCCH) // Protecting the rights of families and children in a changing world / eds B. de Hart, T. Liefwaard*. The Hague: Asser Press, 2017. P. 105–106.

²⁹ *Campbell J. The Baby Gammy case dealing with commercial surrogacy. What happened to baby Pipah? // Farnell & Anor and Chanbua*. 2016. FLC 93-700. URL: https://fortefamilylawyers.com.au/wp-content/uploads/2020/07/FLL_485597_The-Baby-Gammy-case-1.pdf (дата обращения: 01.10.2021).

³⁰ *Mitsutoki Shigeta: "Baby factory" dad wins paternity rights*. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/world-asia-43123658> (дата обращения: 01.10.2021).

В законодательствах некоторых государств точно определены условия, которым должны соответствовать суррогатная мать, например быть в оптимальном возрасте для деторождения (в России возрастной диапазон составляет 20–35 лет), иметь собственного здорового ребенка (такое требование предусмотрено, например, в России, Таиланде и Украине) и даже, как правило, быть в родственной связи с одним из заказывающих лиц (однако тайское законодательство исключает женщин, которые являются родителями или потомками любого из заказчиков услуги суррогатного материнства).

Также существуют большие различия в коммерческом характере рассматриваемых процедур. В законодательстве (например, в Украине, России, Калифорнии) может быть предусмотрена выплата вознаграждения роженице или разрешено только так называемое альтруистическое суррогатное материнство с возмещением разумных расходов (Великобритания и Греция). Другой вопрос состоит в том, как требование альтруизма суррогатной матери выполняется на практике и не скрывается ли вознаграждение под видом возмещения расходов.

Более того, может существовать требование, чтобы при оплодотворении использовался генетический материал хотя бы одного из заказчиков услуги суррогатного материнства (такое требование, например, предусмотрено в законодательстве Великобритании и Украины). В законодательстве некоторых государств разрешена форма так называемого традиционного суррогатного рождения (когда оплодотворению подлежат гаметы суррогатной матери), в то время как в других допускается только гестационное суррогатное материнство, т. е. процедура, при которой используются гаметы женщины — заказчицы ребенка или третьей женщины — донора ооцитов (например, в законодательстве Украины и Таиланда). Обе эти формы разрешены в Великобритании.

В законодательстве может быть предусмотрено установление происхождения ребенка от заказчиков (нареченных родителей) в силу закона (т. е. автоматическое установление, например в тайском и украинском законодательстве) или требование проведения дополнительной судебной процедуры. Так, в Соединенном Королевстве в рамках особого судебного производства, возбужденного по факту рождения ребенка, суд издает так называемый родительский приказ (*parental order*). В судебном разбирательстве, независимо от того, проводилась ли процедура суррогатного рождения внутри страны или за границей, суд проверяет, были ли соблюдены предусмотренные английским законодательством требования³¹, в том числе вышеупомянутые требования к заявителям, генетическому родству ребенка по крайней мере с одним из ходатайствующих об издании родительского приказа, а также к расходам, понесенным заявителями. Затем происхождение ребенка устанавливается в соответствии с английским законодательством³².

4. Признание и регистрация гражданского состояния в иностранных правовых системах

Общее правовое регулирование последствий применения иностранного права (включая последствия иностранных процедур суррогатного материнства и регистрации гражданского состояния) различается в государствах, где поддер-

³¹ Эти условия предусмотрены в разд. 54 Закона об оплодотворении и эмбриологии человека 2008 г. (данные положения вступили в силу 06.04.2010). Актуальный текст закона доступен на сайте: http://www.legislation.gov.uk/ukxi/2010/987/pdfs/ukxi_20100987_en.pdf (дата обращения: 01.10.2021).

³² См. об этом: *Trimblings K., Beaumont P. Parentage and surrogacy in a European perspective // European Family Law: Family law in a European perspective / ed. by J. M. Scherpe. Cheltenham: Edward Elgar Publ., 2016. P. 263.*

живается принцип материнства женщины, родившей ребенка, связанный с отцовством, и принцип непередаваемости гражданского состояния по контракту. Исследование права отдельных государств, которые, подобно Польше, не предусматривают суррогатного материнства в своем национальном материальном праве (Австрия, Франция, Германия, Италия, Швейцария)³³, приводит к выводу, что, несмотря на такой отрицательный подход в материальном праве, де-факто похожие последствия могут возникнуть в них путем судебного правотворчества (судебного активизма) при применении норм международного частного права и международного гражданского процесса³⁴. В некоторых европейских государствах, несмотря на критику и запрет суррогатного материнства, по сути, имеет место «признание» последствий процедур, проведенных за границей, посредством транскрипции (регистрации) иностранных свидетельств о рождении.

Известный пример различной и неоднозначной аргументации последствий договора суррогатного материнства, заключенного и исполненного за границей, — судебная практика французских судов и органов. Уже более 20 лет французское законодательство прямо предусматривает санкцию недействительности договора, касающегося зачатия и вынашивания беременности для других лиц (ст. 16-7 Гражданского кодекса Франции)³⁵. Из соответствующего положения вытекает запрет суррогатного материнства³⁶. Этот принцип также является принципом общественного порядка (ст. 16-9 ГК). Отказ в транскрипции свидетельств о рождении детей, рожденных суррогатной матерью за границей, обосновывается нарушением принципа неотчуждаемости гражданского состояния и противоречием общественному порядку³⁷, а также обходом закона³⁸. В поддержку запрета суррогатного материнства выступает французский Национальный консультативный комитет по вопросам этики, наук о жизни и здоровье, указывая, что в свете принципов уважения к человеку и неотчуждаемости человеческого тела, а также несогласия на эксплуатацию женщин и объективацию детей не существует «этической» формы суррогатного материнства³⁹.

Несмотря на неизменность содержания правовых положений, отрицательная позиция судебной практики в этом вопросе частично изменилась в резуль-

---

³³ Обзор правового регулирования см.: *Brunet L. et al. A comparative study on the regime of surrogacy in EU member states, Luxembourg 2013 // International surrogacy arrangements. Legal regulation at the international level / eds K. Trimmings, P. Beaumont. Oxford: Oxford University Press, 2013; Wells-Greco M. The status of children...*

³⁴ См., напр.: *Wojewoda M. Surrogate motherhood and the civil status registration in Poland // Fundamental and legal issues... P. 829.*

³⁵ Введена на основании Закона об уважении к человеческому телу от 29.07.1994 № 94-653. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070721/LEGISCTA000006136059/?anchor=LEGIARTI000006419302LEGIARTI000006419302 (дата обращения 01.10.2021).

³⁶ См. об этом: *Monéger F. La gestation pour autrui // Revue Internationale de Droit Comparé. 2010. Vol. 62, no. 2. P. 234.*

³⁷ См., напр.: Arrêt no. 371 du 6 avril 2011 (09-17.130), Cour de cassation [Решение Кассационного суда от 06.04.2011 № 371, жалоба № 09-17.130]. URL: https://www.courdecassation.fr/jurisprudence_2/premiere_chambre_civile_568/371_6_19627.html (дата обращения: 01.10.2021).

³⁸ См.: Arrêt no. 281 du 19 mars 2014 (13-50.005), Cour de cassation, Première chambre civil [Решение Кассационного суда Франции от 19.03.2014 № 281, жалоба № 13-50.005]. URL: https://www.courdecassation.fr/jurisprudence_2/premiere_chambre_civile_568/281_19_28731.html (дата обращения: 01.10.2021).

³⁹ См.: Comité Consultatif National d'Éthique pour les sciences de la vie et de la santé, Avis du CCNE du 15 juin 2017 sur les demandes sociétales de recours à l'assistance médicale à la procréation (AMP) [Постановление от 15.06.2017 № 126 о споре сообщества на вспомогательные репродуктивные технологии]. https://www.ccne-ethique.fr/sites/default/files/2021-02/avis_129_vf.pdf (дата обращения: 01.10.2021).

тате постановлений Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) от 16.06.2016 по делам *Mennesson и Labassee против Франции*⁴⁰, предписывающих признание происхождения ребенка от биологического отца во имя охраняемого ст. 8 Европейской конвенции по правам человека (далее — ЕКПЧ) 1950 г.⁴¹ права ребенка на уважение его личной жизни, в том числе идентичности. Таким образом, в настоящее время французские суды разрешают транскрипцию иностранных свидетельств о рождении до такой степени, что отцом ребенка записывается мужчина, от которого ребенок генетически происходит. Что касается регистрации в записях актов гражданского состояния в качестве юридической матери женщины, которой ребенок был передан, то по этому вопросу высказался ЕСПЧ в деле семьи *Mennesson* в постановлении, вынесенном Большой палатой 10.04.2019 по запросу Кассационного суда Франции. Это дело касалось «предполагаемых родителей» (*intended parents*), которыми были женщина и мужчина, состоящие в браке. Следовательно, проблема, которую необходимо было решить, не касалась какой-либо другой, нежели естественной, женско-мужской концепции правового происхождения ребенка или родительства (т. е. не касалась ситуации, определяемой как *pseudo-surrogacy* (псевдосуррогатное материнство)). В своем постановлении ЕСПЧ указал, что право ребенка на уважение его личной жизни требует, чтобы национальное законодательство предусматривало возможность признания «отдельных» законных детско-родительских связей между ребенком и предполагаемой матерью («*possibility of recognition of a legal parent-child relationship with the intended mother*»), которая в иностранном свидетельстве о рождении ребенка обозначена как его законная мать. В то же время указывалось, что защита права ребенка на его частную жизнь и учет наилучших интересов ребенка не означают, что государство обязано ко внесению (транскрипции) в реестр записей актов гражданского состояния записи о «предполагаемой» матери на основании заграничного свидетельства о рождении ребенка. Признание детско-родительской связи возможно также путем использования других подходов, таких как усыновление⁴². Указывая, что нет необходимости перенесения содержания иностранного свидетельства о рождении в право отдельного государства, ЕСПЧ не назвал другого правового решения, которое при учете рассматриваемых обстоятельств было бы желательным.

Постановлению ЕСПЧ соответствует решение Федерального верховного суда Германии (*Bundesgerichtshof, BGH*) от 20.04.2019, вынесенное по делу ребенка, рожденного от суррогатной матери в Украине и переданного немецкой паре, которая увезла ребенка в Германию. Происхождение ребенка было установлено в соответствии с немецким правом, определенным как применимое. Согласно этому применимому праву, отцом ребенка признается мужчина, которому ребенок был передан и с которым он имеет биологическое родство. Законной матерью ребенка считается женщина, родившая его. Поэтому именно ее следует внести в реестр записей актов гражданского состояния. Для получения статуса матери жене

⁴⁰ *Mennesson v. France*, no. 65192/11, *Labassee v. France*, no. 65941/11.

⁴¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод, подписанная в Риме 04.11.1950, впоследствии измененная Протоколами № 3, 5 и 8 и дополненная Протоколом № 2. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 01.10.2021).

⁴² *Advisory opinion concerning the recognition in domestic law of a legal parent-child relationship between a child born through a gestational surrogacy arrangement abroad and the intended mother // European Court of Human Rights*. 2019. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng/?f{%22item%22:\[%22003-6380464-8364383%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng/?f{%22item%22:[%22003-6380464-8364383%22]}) (дата обращения: 01.10.2021).

отца ребенка необходимо пройти процедуру усыновления⁴³, предусмотренную местным законодательством⁴⁴. Отметим, что и в Польше при рассмотрении запросов о перенесении содержания иностранной регистрации (транскрипции) гражданского состояния в национальный реестр записей актов гражданского состояния суд чаще всего применяет собственное право, поскольку эти дела касаются польских граждан, а в ст. 55 Закона о международном частном праве в качестве применимого права указан закон гражданства⁴⁵.

Подобное направление избрал и Верховный суд Италии (Corte Suprema di Cassazione) в решении от 08.05.2019. Рассматриваемое дело касалось не только возможности заключения договора с суррогатной матерью, но и юридически самостоятельной проблемы правового понимания происхождения ребенка (родства). Решение было вынесено по делу, в котором в иностранном (канадском) свидетельстве о рождении в качестве «родителей» указана пара мужчин. Итальянский суд постановил, что в национальный реестр записей актов гражданского состояния будет внесен (путем транскрипции) только биологический отец ребенка, потому что другой мужчина не вписывается в понятие матери или отца. По мнению суда, такое решение необходимо для соблюдения предусмотренного итальянским законодательством запрета на суррогатное материнство, который является принципом общественного порядка и предназначен для защиты достоинства женщин и института усыновления. Суд не исключил, что, помимо установления родства, установление правовых отношений с другим лицом, не имеющим генетической связи с ребенком, может быть реализовано через соответствующие правовые институты⁴⁶, однако это зависит от соблюдения требований данной системы национального семейного права (т. е. итальянской).

Вместе с тем прецедентное право английских судов является примером эволюции, согласно которой оценка проводимых за границей процедур в соответствии с английским правом может привести к ослаблению критериев, предусмотренных английским правом. Это относится к изданию *parental order* по делам детей, рожденных в стране, законодательство которой предусматривает коммерческое суррогатное материнство (например, в штате Иллинойс или Калифорния). Английское прецедентное право допускает оплату услуг суррогатной матери (вознаграждение) и посредников, если эти расходы соответствуют расходам, понесенным в стране, где заключен договор о суррогатном материнстве, даже если значительно превышают «оправданные расходы», предусмотренные английским законодательством⁴⁷.

Проблема (не)признания последствий зарубежных процедур и регистрации гражданского состояния возникает не только в странах, чье законодательство предусматривает недействительность договора суррогатного материнства. Там, где некоторые формы суррогатного материнства разрешены, вопрос о непри-

---

⁴³ Beschluss vom 20.03.2019, No XII ZB 530/17. URL: <http://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&az=XII%20ZB%20530/17&nr=94770> (дата обращения: 01.10.2021).

⁴⁴ См. об этом: *Figura-Góralczyk E.* Remarks about Judgement of *Bundesgerichtshof* of 20 March 2019 (XII ZB 530/17) // *Fundamental and legal issues...* P. 857.

⁴⁵ См. об этом: *Mostowik P.* Komentarz do art. 55 // *Prawo prywatne międzynarodowe. Komentarz / ed. J. Poczobut.* Warszawa: Wolters Kluwer, 2017. P. 846.

⁴⁶ Решение Конституционного суда Италии от 28.01.2021. URL: https://www.cortecostituzionale.it/documenti/download/doc/recent_judgments/Sentenza%20n.%2033%20del%202021%20red.%20Vigan%C3%B2%20EN.pdf (дата обращения: 01.10.2021).

⁴⁷ Пункт 10 Постановления Высокого Суда справедливости (High Court of Justice) от 08.01.2010 по делу *Re L (A minor)* [2010] EWHC 3146.

знании последствий зарубежных процедур касается других форм суррогатного материнства, выходящих за рамки понимания и условий его разрешенной формы (например, суррогатного материнства с условием вознаграждения за предоставленную услугу или проведенного в интересах одиноких лиц и гомосексуальных пар). Данные вопросы в этих странах могут быть решены отрицательно.

По указанным выше причинам, а также из-за отсутствия компетенции Европейского союза в сфере материального семейного права не увенчался успехом инициатива Комиссии ЕС по взаимному признанию последствий регистрации гражданского состояния (например, родительского статуса), объявленная в 2010 г.⁴⁸ Предлагаемое правовое регулирование, ведущее к признанию правовых ситуаций, связанных с гражданским состоянием (например, отцовства) и возникших в другом государстве — члене ЕС⁴⁹, подверглось критике со стороны государств — членов ЕС, а затем было отклонено в ходе законодательной работы, завершившейся принятием в июле 2016 г. Регламента ЕС № 1191/2016 о содействии свободному перемещению граждан путем упрощения требований к представлению некоторых официальных документов в Европейском союзе⁵⁰.

5. Постулаты правового регулирования на международном уровне

Проблема суррогатного материнства привлекла интерес Совета Европы. С 1980-х годов в Совете Европы подготовлен ряд документов, касающихся суррогатного рождения детей и демонстрирующих скептическую оценку этого явления с одновременным прагматическим подходом к правовым системам, допускающим процедуры суррогатного рождения. Доклад 1989 г. об искусственной репродукции человека содержал отрицательную позицию по рассматриваемому вопросу⁵¹. Доклад 2016 г. о правах ребенка, связанных с суррогатным материнством, также призывал к запрету коммерческого суррогатного материнства и возможному ограничению государствами доступа к этой процедуре для своих граждан с целью ограничения проблем, возникающих из-за так называемого cross-border surrogacy (трансграничного суррогатного материнства)⁵². В нем было рекомендовано сотрудничество с Гаагской конференцией по международному частному праву (The Hague Conference on Private International Law, HCCH) в случае подготовки этой организацией международной конвенции. Однако предложение составить руко-

---

⁴⁸ Green Paper: Less bureaucracy for citizens: promoting free movement of public documents and recognition of the effects of civil status records, COM/2010/0747 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A52010DC0747> (дата обращения: 01.10.2021).

⁴⁹ См.: *Mostowik P.* Legislative activities of European Union versus fundamental principles of paternity and maternity in Member States // *International Journal of the Jurisprudence of the Family.* 2017. Vol. 8. P. 79.

⁵⁰ Regulation (EU) 2016/1191 of the European Parliament and of the Council of 6 July 2016 on promoting the free movement of citizens by simplifying the requirements for presenting certain public documents in the European Union and amending Regulation (EU) No. 1024/2012 // OJ L 200. 26.07.2016. P. 1–136. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32016R1191> (дата обращения: 01.10.2021).

⁵¹ Report on human artificial procreation. Ad Hoc Committee of Experts on Progress in the Biomedical Sciences — CAHBI, 1989. URL: <https://rm.coe.int/16803113e4> (дата обращения: 01.10.2021).

⁵² См. подробнее: *Sutter P. de.* Children's rights related to surrogacy. 24.07.2018. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=23015&lang=en> (доклад в рамках Комитета по социальным вопросам, здравоохранению и устойчивому развитию (Committee on Social Affairs, Health and Sustainable Development)).

водство по защите прав детей в связи с заключением договоров о суррогатном рождении было отклонено Парламентской ассамблеей Совета Европы.

Недавно Большая палата Европейского суда по правам человека вынесла решение по делу *Paradiso и Campanelli против Италии*⁵³, в котором предыдущее решение по этому делу было вынесено меньшей коллегией (семь судей). Констатировано отсутствие нарушения ст. 8 Римской конвенции 1950 г. в отношении ребенка, который не был генетически связан с его заказчиком от суррогатной матери. В решении подчеркивалось, что ст. 8 ЕКПЧ не гарантирует права на создание семьи или права «получить» усыновленного ребенка. В обосновании, в отличие от постановления, вынесенного ранее в более узком составе, указывалось, что над субъективным, индивидуальным желанием иметь ребенка преобладают определенные общие оправданные интересы, в частности необходимость учитывать существование биологической связи, особенно из-за короткого периода личного контакта⁵⁴. Европейский суд по правам человека развил эту аргументацию в упомянутом выше решении от 18.05.2021 по делу *Valdis Fjølfnisdóttir and Others v. Iceland* (жалоба № 71552/17).

Похоже, что в будущем трудно ожидать гармонизации права на международном уровне. С учетом диаметральных различий между законодательствами отдельных стран невозможно определить общий знаменатель и найти согласие широкой группы стран. Похоже, что по этой причине трудно будет разработать, например, единые правила признания последствий иностранных процедур, к чему, похоже, стремится законодательная инициатива, рассматриваемая Гаагской конференцией по международному частному праву⁵⁵. Целью *Parentage/Surrogacy Project*, который осуществляется с 2010 г., является принятие коллизионных норм в сфере происхождения детей в трансграничных ситуациях, включая детей, рожденных суррогатной матерью.

Учитывая доминирование в мире правовых систем, в которых договоры с суррогатной матерью признаются недействительными, легче было бы достичь консенсуса по диаметрально противоположному регулированию, а именно в контексте запрета суррогатного материнства.

6. Проблема конвенционного запрета на торговлю людьми (детьми)

В настоящее время судебная практика международных трибуналов, касающаяся трансграничных последствий суррогатного материнства, лишь формируется. В доктрине правильно отмечается, что на нынешнем этапе развития юриспруденции ЕСПЧ обсуждаемая проблематика находится на «преднормативной» стадии. Подчеркивается, что, во-первых, в прецедентном праве ЕСПЧ в большей степени видно обращение к праву на неприкосновенность частной жизни, чем к праву на уважение семейной жизни; во-вторых, ЕСПЧ делает упор скорее на защиту детей, рожденных в результате суррогатного материнства, чем на защиту

⁵³ *Paradiso and Campanelli v. Italy*, no. 25358/12. См. также: *Puppink G., Hougue C. la. Surrogacy. General interest can prevail upon the desire to become parents — about the Paradiso and Campanelli v. Italy Grand Chamber judgment of 24th January 2017 // Revue Lamy de Droit Civil. 2017. No. 146. URL: <http://media.acj.org/pdf/Surrogacy,-general-interet-can-prevail-upon-the-desire-to-become-parents,-Paradiso-and-Campanelli-v.-Italy-2017.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).*

⁵⁴ См.: *Mirocha Ł. Dark side of diversity. Actions undertaken in the system of the Council of Europe with regard to the issue of surrogate motherhood // Fundamental and legal issues... P. 527.*

⁵⁵ История проекта, рабочая деятельность и ее результаты представлены на сайте: <http://www.hcch.net/en/projects/legislative-projects/parentage-surrogacy> (дата обращения: 01.10.2021).

предполагаемых родителей, которые в значительной мере были осведомлены о возможных юридических трудностях, связанных с суррогатным материнством; в-третьих, ЕСПЧ признает юридически значимой генетическую связь ребенка с предполагаемыми родителями. Проблема нарушения принципа *parca sunt servanda* со стороны тех государств, которые являются участниками договоров о запрещении торговли людьми (детьми), требует более детального рассмотрения. В январе 2018 г. появился доклад специального докладчика Организации Объединенных Наций по торговле и сексуальной эксплуатации детей и других случаев сексуального насилия над детьми⁵⁶, в котором указывалось, что действующее правовое регулирование суррогатного материнства фактически ведет к торговле детьми.

Согласно ст. 5 Хартии основных прав Европейского союза, «торговля людьми запрещена»⁵⁷. В Европе становится заметной политическая и журналистская критика нынешнего состояния развивающегося репродуктивного бизнеса. Например, парламент Европейского союза в докладе о правах человека и демократии в мире в 2014 г. и политике ЕС в этой области определенно критически оценил практику суррогатного материнства. В § 115 этого доклада осуждена «практика суррогатного материнства, которая подрывает человеческое достоинство женщины, потому что ее тело и репродуктивные функции используются как товар»; также отмечается, что «эта практика, которая включает репродуктивное использование человеческого тела для получения прибыли или других выгод, особенно в случае женщин, находящихся в затруднительном положении в развивающихся странах, должна быть запрещена и рассматриваться как срочное дело согласно документам по правам человека»⁵⁸. Кажется, что в первом предложении также уместно сравнение с машиной на заводе.

В качестве примера можно упомянуть Конвенцию о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины⁵⁹, принятую Комитетом министров Совета Европы в 1996 г., в ст. 21 которой предусматривается запрет на извлечение финансовой выгоды из человеческого тела (тело человека и его части не должны являться источником получения финансовой выгоды).

Стоит также иметь в виду правовые нормы, разработанные на международном уровне для регулирования усыновления. Европейская конвенция об усыновлении детей 1967 г.⁶⁰ свидетельствует о стремлении обеспечить ребенка приемными матерью и отцом. В соответствии с ч. 1 ст. 10 конвенции, усыновленный приобретает по отношению к усыновителю все права и обязанности, которые присущи ребенку, рожденному в законном браке. В п. 40 Пояснительного доклада подчеркивается, что усыновитель осуществляет права и обязанности отца или матери в зависи-

---

⁵⁶ Report of the Special Rapporteur on the sale and sexual exploitation of children, including child prostitution, child pornography and other child sexual abuse material. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/HRC/37/60 (дата обращения: 01.10.2021).

⁵⁷ См. подробнее: *Kownacki R.* Ingerencja Karty Praw Podstawowych w zakres realizacji przez państwa członkowskie tematów sensytywnych (eutanazja, związki homoseksualne, aborcja) — propagandowy straszak czy realna perspektywa? // *Karta Praw Podstawowych w europejskim i krajowym porządku prawnym* / ed. A. Wróbel. Warszawa: Wolters Kluwer, 2009. P. 383–396.

⁵⁸ European Parliament resolution of 17 December 2015 on the Annual Report on Human Rights and Democracy in the World 2014 and the European Union's policy on the matter, 2015/2229(INI). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2015-0470_EN.html (дата обращения: 01.10.2021).

⁵⁹ Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины от 19.11.1996. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Rz37.html> (дата обращения: 01.10.2021).

⁶⁰ Европейская конвенция об усыновлении детей 1967 г. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/058> (дата обращения: 01.10.2021).

мости от того, мужчина он или женщина⁶¹. Вместе с тем в Гагской конвенции 1993 г.⁶² предусмотрено, что признание правовых последствий усыновления, осуществленного в соответствии с данной конвенцией в других договаривающихся государствах, если это явно не противоречит публичному порядку, происходит после выполнения определенных условий, в том числе материально-правовых. К ним относятся среди прочего добровольное согласие матери, данное после рождения ребенка, и отсутствие какого-либо вознаграждения за его предоставление (т. е. отсутствие оплаты или компенсации какого-либо рода).

Заключение

Введение в некоторых странах процедуры суррогатного материнства (surrogate motherhood), включая юридическую фикцию происхождения ребенка от лица или лиц, заказавших его, может вызвать фундаментальные проблемы глобального масштаба⁶³. С ними сталкиваются также международные суды, в частности ЕСПЧ, испытывающие затруднения в правовой оценке обсуждаемого явления. Эта трудность естественна, если иметь в виду, что в судебном решении используется конкретное правовое регулирование. Задействованные в данных делах правовые системы диаметрально противоположны, а потому невозможно совместить «воду с огнем». Так называемая золотая середина, понимаемая как правовое регулирование, которое в некоторой степени проистекает из сходств правовых систем (например, состоит из некоторых ограничений в одной правовой системе и некоторых разрешений в другой), на самом деле нигде не будет компромиссным. Как ни парадоксально, оно, скорее, будет рассматриваться как нарушение каждой из этих правовых систем (в одной правовой системе — из-за ограничения разрешенного коммерческого суррогатного материнства, а в другой — из-за разрешения в виде исключения некоммерческого суррогатного материнства, незаконного в рамках этой системы). Более правильным представляется подход судебной практики, опирающийся на отказ от соблазна международного трибунала создать глобальное правовое регулирование по существу (т. е. касающееся сущности вещей) и ограничивающийся формальным замечанием о том, что из-за полярных различий между государствами это логически невозможно, а дела подлежат — что довольно часто происходит в отношении других областей предметного регулирования (например, использования оружия, хранения наркотиков, полигамии) — регулированию различными местными правовыми актами.

Поскольку обсуждаемое местное правовое регулирование на практике применимо к различным несравнимым ситуациям, касающиеся их сомнения также отличаются. Возникающие аксиологические, а затем и правовые дилеммы затрагивают ситуации вынашивания беременности суррогатной матерью и рождения ребенка, генетически происходящего от заказчиков, желающих стать родителями, но страдающих бесплодием, а также касаются процедур суррогатного материнства, проводимых с тем, чтобы:

---

⁶¹ European Convention on the Adoption of Children, <http://www.conventions.coe.int/Treaty/en/Reports/Html/058.htm> (дата обращения: 01.10.2021).

⁶² Convention of May 29, 1993 on Protection of Children and Co-operation in Respect of Intercountry Adoption. URL: <https://assets.hcch.net/docs/77e12f23-d3dc-4851-8f0b-050f71a16947.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).

⁶³ См. об этом: *Wedel-Domaradzka A. Surrogacy — a solution that brings new problems. International organizations and surrogate motherhood // Fundamental and legal issues... P. 609.*

- помочь женщине, которая сама могла бы забеременеть и родить ребенка, но по каким-то причинам (например, из-за нехватки времени, боязни изменения внешнего вида) не хочет этого;
- излечить бесплодие, т. е. суррогатная мать выносит и родит для заказчиков ребенка, который генетически не происходит ни от одного из них (например, яйцеклетка или сперма поступают из так называемого банка, что дает возможность свободно выбирать характеристики ребенка, де-факто проектируя их независимо от их связи с заказчиками или суррогатной матерью как женщиной, родившей ребенка);
- доставить ребенка его заказчикам, не способным зачать ребенка естественным путем (например, союзу из пары лиц одного пола или одинокому лицу, в частности мужчине).

В последнем случае нельзя говорить о лечении бесплодия даже в широком смысле, потому что, по сути, в данных союзах существует бесплодие (ребенок не происходит от одного только человека или нескольких лиц одного пола). Однако это можно рассматривать как пример реализации данным государством — через его правовую систему — своего рода «запроса на доставку ребенка». Кроме того, иногда эволюция и расширение сферы применения процедур суррогатного материнства не выступают результатом прямой воли законодателя, а являются следствием правотворческого (сверх)активизма судей (например, во Франции и Украине).

На этом фоне также стоит отметить различия в отношении группы лиц, которые по контракту могут получить правовой статус родителей ребенка. К ним относятся: генетические родители ребенка; пара, состоящая из женщины и мужчины; однополые пары (что на практике в первую очередь имеет значение для пар, состоящих из двух мужчин); одинокие лица (в основном женщины). Различия также касаются условий со стороны заказчиков (в частности, неудачные попытки забеременеть или родить ребенка, возможное требование, чтобы заказывающей стороной была пара, состоящая из женщины и мужчины) и круга исполнителей (например, требование определенного молодого возраста и рождения раньше здоровых детей, что дает прогноз хорошего качества «предмета договора»). Кроме того, существуют различия в плате за суррогатное рождение и возможности его организации на коммерческой основе, поскольку теоретически в некоторых правовых системах коммерческая деятельность посреднических агентств запрещена. Однако действуют ли такие запреты на практике, вызывает сомнение. Во-первых, возможность их обхода возникает в случае передачи агентству или суррогатной матери значительной (особенно после конвертации в местную валюту в бедных странах) денежной суммы, формально определяемой не как оплата, а как «возмещение затрат на содержание и других расходов», увеличивающейся во время беременности и в послеродовой период. Во-вторых, на практике эти запреты малоэффективны, если они относятся только к процедурам, проводимым на территории данного государства, в то время как в нем признаются последствия приобретения ребенка за границей, например во время коротких поездок из Западной Европы в Азию и другие страны, где процветает «репродуктивный бизнес».

Представленная выше эволюция правового регулирования различных государств приводит к выводу, что оно вызвало дальнейшие (дополнительные) юридические сомнения и оговорки. На оценку ситуации в этих странах могут влиять иностранные «технические» аспекты наступления беременности суррогатной матери. Дополнительные проблемы возникают, когда ребенок генетически происходит не от заказчиков (предполагаемых родителей), а из яйцеклетки или спермы четвертого в отношении договора о суррогатном материнстве лица (чаще всего анонимного) или суррогатной матери. Более того, в случае использования

материала из так называемого банка могут возникнуть этические вопросы относительно допустимости проектирования ребенка (например, пола, расы, физических характеристик⁶⁴). Однако в случае рождения суррогатной матерью ребенка, генетически происходящего от нее (так называемое классическое суррогатное материнство, которое де-факто в настоящее время не пользуется популярностью на практике, что часто ускользает от общественного мнения), обоснованным будет вопрос, не охватывает ли обсуждаемая процедура просто продажу и покупку ребенка и приобретение гражданского состояния матери или отца, что де-факто означает нарушение основных принципов системы усыновления в большинстве стран мира, в которой участие государства играет важную роль (например, суды, центры усыновления) и среди прочего направлено на защиту основных принципов национального семейного права и предотвращение коммерциализации.

На фоне текущего правового регулирования в настоящее время в некоторых странах возникают новые — по сравнению с представленными в литературе и относящимися к первичному правовому регулированию десятилетней давности⁶⁵ — фундаментальные правовые вопросы и проблемы. Они касаются не только оценки местных правовых систем, предусматривающих данное правовое регулирование, но и эффективного функционирования различных национальных основных правовых принципов в ситуациях, связанных (в прошлом или в настоящее время) с несколькими правовыми системами (например, с участием собственных граждан, а также постоянных и временных жителей, которые ранее находились за границей и предпринимали действия на основании иностранного права), т. е. в региональной и глобальной перспективе⁶⁶. При этом возникают фундаментальные сомнения относительно функционирования универсального принципа запрета торговли людьми, правильного понимания государствами — участниками договоров принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка, а также опасения по поводу нарушения идентичности ребенка и человеческого достоинства женщин (нередко из бедных стран) и обращения с ними как с объектом. Тревоги также касаются будущего функционирования системы усыновления, поскольку интерес к усыновлению сирот может быть намного меньше по сравнению с конкурентной возможностью заказать ребенка, в том числе его характеристики, путем представленных выше процедур суррогатного материнства⁶⁷.

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2021 г.
Рекомендована к печати 30 ноября 2021 г.

Problems of legal fictions related to surrogacy in cross-border situations

Piotr Mostowik, Olga Bobrzyńska

For citation: Mostowik, Piotr, Bobrzyńska, Olga. 2021. Problems of legal fictions related to surrogacy in cross-border situations. *Pravovedenie* 65 (4): 382–403.
<https://doi.org/10.21638/spbu25.2021.402> (In Russian)

⁶⁴ См., напр., возможность выбора пакетов (эконом, стандарт, VIP) и определения заказчиком характеристик ребенка посредством выбора качеств доноров (цвета глаз, роста, образования) при заказе через интернет: www.biotexcom.com/services (дата обращения: 01.10.2021).

⁶⁵ О нормативном регулировании в начале XXI в. см. подробнее: *Bobrzyńska O. Surrogate motherhood...* P. 645.

⁶⁶ Относительно государств — членов Совета Европы см.: *Martinez de Aguirre C. International surrogacy arrangements: a global "Handmaid's Tale"? // Fundamental and legal issues...* P. 451.

⁶⁷ См. подробнее: *Bagan-Kurluta K. Macierzyństwo zastępcze a adopcje — symbioza czy konkurencja? // Miscellanea Historico-luridica. 2014. Vol. 13, no. 2. P. 281–297.*

The core of the study is the latest changes in some legal systems in the field of surrogate motherhood, as well as consequences and problems arising from this in global perspective. The authors indicate significant differences in the admissibility and content of surrogate motherhood and different trends in individual countries (non-recognizing, broadening, limiting, or prohibiting different legal solutions). As a consequence, they also signal the issue of recognizing effects of foreign procedures and registration of civil statuses or refusal of recognition, as well as problematic postulates to create common global regulation at the international level. The introduction of surrogate motherhood procedures in some states (including legal fictions of the child's origin from the ordering person) may raise legal problems and dilemmas in other countries, especially in situations of providing the child to personal constellations, in which the child cannot be conceived *in genere* (e. g. a single man or a homosexual couple). Some discussed legal solutions can be evaluated as implementing a "demand to obtain a child", which is considered legitimate and binding by the state legal system. The problems from the foreign perspective concern not only the assessment of legal systems that provide for the above solutions, but also effective functioning of different national fundamental legal principles in related situations (in the past or present) with several legal systems (e. g. with a country's citizens as well as permanent and temporary residents who had previously been abroad and took action on the basis of foreign law). Fundamental doubts may arise abroad as to the functioning of the universal principle of the prohibition of trafficking in human beings, the legal principles of adoption and rules concerning the child's identity, as well as understanding by the states-parties of the treaties of the principle of the welfare and best interest of the child and the dignity of women (often coming from poor societies). Foreign concerns may also include the future functioning of the adoption system, because the interest in adopting orphans can be significantly less than the competitive ability to order a child via contract (including shaping its future physical characteristics).

Keywords: surrogate motherhood, surrogate birth, surrogacy, prohibition of child trafficking, international adoption, unification of law in international scale, human dignity, maternity and paternity, contract on civil status.

References

- Bagan-Kurluta, Katarzyna. 2014. Macierzyństwo zastępcze a adopcje — symbioza czy konkurencja? *Miscellanea Historico-Iuridica* 13 (2): 281–297.
- Berger, Jana. 2018. Macierzyństwo zastępcze w świetle przepisów prawa Federacji Rosyjskiej. *Prawo w działaniu. Sprawy Cywilne* 34: 137–153.
- Bobrzyńska, Olga. 2019. Surrogate motherhood: current trends and the comparative perspective. *Fundamental and legal issues of surrogate motherhood. Global perspective*, ed. by Piotr Mostowik: 645–658. Warsaw, Wydawnictwo IWS.
- Brunet, Laurance., Carruthers, Janeen, Davaki, Konstantina, King, Derek, Marzo, Claire, McCandless, Julie. 2013. A comparative study on the regime of surrogacy in EU member states, Luxembourg 2013. *International surrogacy arrangements. Legal regulation at the international level*. Eds Katarina Trimmings, Paul Beaumont. Oxford, Oxford University Press.
- Campbell, Jacky. 2016. The "baby Gammy" case dealing with commercial surrogacy. What happened to baby Pipah? *Farnell & Anor and Chanbua*. Available at: https://fortefamilylawyers.com.au/wp-content/uploads/2020/07/FFL_485597_The-Baby-Gammy-case-1.pdf (accessed: 01.10.2021).
- Czubik, Agnieszka. 2019. Protection of women's rights and health in international law versus "surrogacy business". *Fundamental and legal issues of surrogate motherhood. Global perspective*, ed. by Piotr Mostowik: 509–526. Warsaw, Wydawnictwo IWS.
- Figura-Góralczyk, Edyta. 2019. Remarks about Judgement of Bundesgerichtshof of 20 March 2019 (XII ZB 530/17). *Fundamental and legal issues of surrogate motherhood. Global perspective*, ed. by Piotr Mostowik: 857–866. Warsaw, Wydawnictwo IWS.
- Gałązka, Małgorzata, Haberk, Joanna. 2018. Wybrane zagadnienia macierzyństwa zastępczego. System prawa medycznego. In 2 vols, vol. 2, eds Marek Safjan, Leszek Bosek: 184–193. Warszawa, C. H. Beck.

- Hart, Betty de, Liefwaard, Ton (eds). 2017. *Protecting the rights of families and children in a changing world*. The Hague, Asser Press.
- Herts, Alla. 2019. Surrogate motherhood in Ukraine: method of infertility treatment, judges' activism and doctrine. *Fundamental and legal issues of surrogate motherhood. Global perspective*, ed. by Piotr Mostowik: 421–448. Warsaw, Wydawnictwo IWS.
- Hongladarom, Soraj. 2018. *Surrogacy law in Thailand*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/322286708_SURROGACY_LAW_IN_THAILAND (accessed: 01.10.2021).
- Jarrett, Tim. 2019. *Children. Surrogacy – single people and parental orders (UK)*. Available at: <https://researchbriefings.parliament.uk/ResearchBriefing/Summary/CBP-8076> (accessed: 01.10.2021).
- Korus, Jakub. 2020. Surogacja. Ukraińcy zrobili sobie z Polski kraj przerzutowy [śledztwo Newsweeka]. *Newsweek Polska* 09.08. Available at: <https://www.newsweek.pl/polska/spoleczenstwo/ukrainskie-surogatki-nielegalnie-rodza-w-polsce-surogatki-na-wilanowie-sledztwo/8twysel> (accessed: 01.10.2021).
- Korus, Jakub. 2020. Ukraińskie surogatki w Polsce. Po śledztwie “Newsweeka” będzie zawiadomienie do Prokuratury Krajowej. *Newsweek Polska* 11.08. Available at: <https://www.newsweek.pl/swiat/spoleczenstwo/sledztwo-newsweeka-zawiadomienie-do-prokuratury-krajowej/vy5xvkn> (accessed: 01.10.2021).
- Kownacki, Rafał. 2009. Ingerencja Karty Praw Podstawowych w zakresie realizacji przez państwa członkowskie tematów sensytywnych (eutanazja, związki homoseksualne, aborcja) — propagandowy straszak czy realna perspektywa? *Karta Praw Podstawowych w europejskim i krajowym porządku prawnym*, ed. Andrzej Wróbel: 383–396. Warszawa, Wolters Kluwer.
- Martinez de Aguirre, Carlos. 2019. International surrogacy arrangements: a global “Handmaid’s Tale?” *Fundamental and legal issues of surrogate motherhood. Global perspective*, ed. by Piotr Mostowik: 451–486. Warsaw, Wydawnictwo IWS.
- Mikluszka, Malwina. 2010. Czy można kupić dziecko, czyli problemy prawne i etyczne związane z macierzyństwem zastępczym? *Współczesne wyzwania bioetyczne*, eds Leszek Bosek, Michał Królikowski: 322–336. Warszawa, C. H. Beck.
- Mirocha, Łukasz. 2019. Dark side of diversity. Actions undertaken in the system of the Council of Europe with regard to the issue of surrogate motherhood. *Fundamental and legal issues of surrogate motherhood. Global perspective*, ed. by Piotr Mostowik: 527–558. Warsaw, Wydawnictwo IWS.
- Monéger, Françoise. 2010. La gestation pour autrui. *Revue Internationale de Droit Comparé* 62 (2): 233–244.
- Mostowik, Piotr, Bobrzyńska, Olga. 2019. O globalnych problemach na skutek wprowadzenia lokalnych fikcji prawnych powiązanych z tzw. macierzyństwem zastępczym (surrogate motherhood). *Prawa człowieka wobec wyzwań współczesnego świata*, eds Agnieszka Czubik, Dominika Dziwisz, Ewa Szczepankiewicz-Rudzka: 189–218. Kraków, Księgarnia Akademicka.
- Mostowik, Piotr. 2015. Pochodzenie dziecka i odpowiedzialność rodzicielska. *System Prawa Prywatnego*. In 20 vols, vol. 20C: Prawo prywatne międzynarodowe, ed. Jadwiga Pazdan: 279–376. Warszawa, C. H. Beck
- Mostowik, Piotr. 2017. Komentarz do art. 55. *Prawo prywatne międzynarodowe. Komentarz*, ed. Jerzy Poczobut: 846. Warszawa, Wolters Kluwer.
- Mostowik, Piotr. 2017. Legislative activities of European Union versus fundamental principles of paternity and maternity in Member States. *International Journal of the Jurisprudence of the Family* 8: 79–94.
- Mostowik, Piotr. 2019. May you live in interesting times. *Fundamental and legal issues of surrogate motherhood. Global perspective*, ed. by Piotr Mostowik: 33–42. Warsaw, Wydawnictwo IWS.
- Mostowik, Piotr. 2019. O żądaniach wpisu w polskim rejestrze stanu cywilnego zagranicznej fikcji prawnej pochodzenia dziecka od “rodziców jedнопłciowych”. *Forum Prawnicze* 6: 3–29.
- Novikov, Andrej. 2019. Surrogate motherhood in Russia and CIS countries: legislative activities, problems in jurisprudence and doctrinal evaluation. *Fundamental and legal issues of surrogate motherhood. Global perspective*, ed. by Piotr Mostowik: 321–366. Warsaw, Wydawnictwo IWS.
- Puppinc, Grégor, Hougue, Claire de la. 2017. Surrogacy. General interest can prevail upon the desire to become parents — about the Paradiso and Campanelli v. Italy Grand Chamber judgment of 24th January 2017. Translated from French. *Revue Lamy de Droit Civil* 146. Available

- at: <http://media.aclj.org/pdf/Surrogacy,-general-interet-can-prevail-upon-the-desire-to-become-parents,-Paradiso-and-Campanelli-v.-Italy-2017.pdf> (accessed: 01.10.2021).
- Smyczyński, Tadeusz, 2016. Stan cywilny. *System Prawa Prywatnego*. In 20 vols, vol. 2: 12–24. Warszawa, C. H. Beck.
- Sutter, Petra de. 2018. *Children's rights related to surrogacy*. Available at: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=23015&lang=en> (accessed: 01.10.2021).
- Trimings, Katarina, Beaumont, Paul. 2016. Parentage and surrogacy in a European perspective. *European Family Law: Family law in a European perspective*, ed. by Jens Scherpe: 232–283. Cheltenham, Edward Elgar Publ.
- Trimings, Katarina, Beaumont, Paul (eds). 2013. *International surrogacy arrangements. Legal regulation at the international level*. Oxford, Oxford University Press.
- Wedel-Domaradzka, Agnieszka 2019. Surrogacy — a solution that brings new problems. International organizations and surrogate motherhood. *Fundamental and legal issues of surrogate motherhood. Global perspective*, ed. by Piotr Mostowik: 607–642. Warsaw, Wydawnictwo IWS.
- Wells-Greco, Michael. 2016. *The status of children arising from inter-country surrogacy arrangements. The past, the present, the future*. The Hague, Eleven International Publ.
- Wojewoda, Michael. 2019. Surrogate motherhood and the civil status registration in Poland. *Fundamental and legal issues of surrogate motherhood. Global perspective*, ed. by Piotr Mostowik: 829–854. Warsaw, Wydawnictwo IWS.
- Zeniv, Mariia. 2017. *Macierzyństwo zastępcze w prawie ukraińskim*. Warszawa, Instytut Wymiaru Sprawiedliwości. Available at: <https://iws.gov.pl/wp-content/uploads/2018/08/IWS-Zeniv-M.-Macierzy%C5%84stwo-zast%C4%99pcze-w-prawie-ukrai%C5%84skim.pdf> (accessed: 10.05.2022).

Received: November 1, 2021
Accepted: November 30, 2021

Piotr Mostowik — Dr. hab. in Law, Associate Professor, Jagiellonian University in Krakow, 24, ul. Gołębia, Kraków, 31-007, Poland; piotr.mostowik@uj.edu.pl

Olga Bobrzyńska — PhD in Law, Adjunct, University of Warsaw, 26/28, Krakowskie Przedmieście, Warszawa, 00-927, Poland; o.bobrzynska@uw.edu.pl